

можное влияние на читателей, дабы склонить последних к исполнению моральных предписаний. Даже в случае, если старообрядческий читатель не являлся сторонником идеи о воцарении в мире антихриста (что для первой половины XIX в. было редкостью и получило распространение ближе к началу XX в.), он не мог игнорировать неотвратимость своей биологической смерти и был вынужден задуматься о судьбе своей души.

Интересное структурное решение было принято составителем при завершении сборника. Так, место заключительного произведения автор отвел житийному произведению, посвященному чудесам преподобного Онуфрия Великого [6, л. 180–184 об]. Особенно оригинальным это кажется в связи с тем, что житийный жанр до этого практически не встречался в сборнике, а сама заключительная глава, в отличие от других частей книги, практически лишена нравоучительных мотивов. Использование жития продиктовано, по всей вероятности, необходимостью демонстрации читателю примера сохранения собственного благочестия. Важно, что, как оказывается в заключении, Онуфрий становится монахом, а следом – пустынножителем. Возникает видимая идеологическая связь между начальной и заключительной главами сборника. Первая диктует нравоучительный характер фолианта и кратко определяет полезность добродетелей и вред греховной жизни, а последняя, в свою очередь, предлагает наглядное руководство к дальнейшему действию. На особое значение жития для структуры компиляции указывает даже сам его объем, превосходящий другие главы, расположенные в конце книги, более чем в пять раз.

Итак, нам удалось провести атрибуцию сборника, в частности, что, по всей вероятности, он возник в среде старообрядцев-странников с целью пропаганды данного согласия среди представителей других ветвей староверия. В результате того, что сборник был рассчитан на весь широкую читательскую аудиторию (как в социальном, так и в вероисповедном плане), он успел сменить нескольких владельцев и даже побывал в употреблении в поморской общине. Сборник имел весьма замысловатую, но четкую внутреннюю структуру, базировавшуюся на сюжетном и жанровом взаимодополнении отдельных текстов.

1. Гурьянова, Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам / Н.С. Гурьянова // Гуманитарные науки в Сибири (далее – ГНС). – 2013. – № 3. – С. 43–48.
2. Гурьянова, Н.С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым / Н.С. Гурьянова // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. – С. 191–218.
3. Гурьянова, Н.С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси / Н.С. Гурьянова // ГНС. – 2014. – № 3. – С. 37–41.
4. Журавель, О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции / О.Д. Журавель // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 204–228.
5. Зольникова, Н.Д. Старообрядческий нравоучительный сборник непостоянного состава / Н. Д. Зольникова // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. – С. 178–202.
6. ЛАИ УрФУ. – XVIII. – 10р/1651.
7. Мальцев, А.И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия / А.И. Мальцев // История Церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. – С. 193–197.
8. Никаноров, И.Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» / И.Н. Никаноров // ГНС. – 2013. – № 4. – С. 67–71.
9. Покровский, Н.Н. Путешествие за редкими книгами / Н.Н. Покровский. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 285 с.
10. Старухин, Н.А. Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова / Н.А. Старухин // ГНС. – 2009. – № 3. – С. 113–115.

Журба О.И.

КИЕВСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1843–1921 гг.): ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Многие имперские институты исторического профиля органично включались также и в репрезентацию локальных вариантов исторической культуры. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. остро встал вопрос о вписывании имперских региональных исторических и археографических практик в конструируемые национальные нарративы. А потому история Временной комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе (далее – Комиссия) стала предметом переосмысления. Прошлое науки оказалось полем боя за присвоение имперского и советского наследия, уточнение границ и репертуара национального интеллектуального пространства.

С начала 1990-х гг. идейной опорой в конструировании самодостаточной истории украинской исторической науки стала концепция М.С. Грушевского, представляющая ее как

непрерывный, линейный и эмансипаторский процесс. Это привело к тому, что исследования часто проводились без учета всей сложности идейного становления украинской историографии. Отправной посылкой стал тезис о препятствиях, чинимых властью: «... ни Россия, ни Австро-Венгрия не были заинтересованы в изучении украинской специфики <...> Имперские центры склонны были рассматривать локальные исторические исследования как источник нелояльности и сепаратизма. Ученые на свой страх и риск разрабатывали местную проблематику, <...> часто подвергались притеснениям и преследованиям» [2, с. 4]. Утверждалось, что «...в течение всего XIX в. нелегкий груз украинской исторической науки несли единичные исследователи, в то время как на российскую историческую науку работало множество научных институтов и учреждений, авторитет государства» [1, с. 73].

Не претендуя на исчерпывающую полноту, представлю некоторые ракурсы этой проблемы на примере Комиссии. Ее деятельность охватывала едва ли не всю эпоху становления профессионального историописания в подросийской Украине. Среди ее активных сотрудников – крупнейшие историки: М.А. Максимович, Н.И. Костомаров, В.Б. Антонович, М.С. Грушевский. Следующий эшелон представлен именами Н.Д. Иванишева, О.И. Левицкого, С.Т. Голубева, Н.И. Петрова, И.М. Каманина, М.В. Довнар-Запольского, М.Ф. Владимирского-Буданова. Последним председателем Комиссии был В.С. Иконников. В ее работе принимали участие общественные деятели в диапазоне от отцов-основателей украинства (Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров) до их идейных оппонентов (М.В. Юзефович, В.Я. Шульгин, С.С. Гогоцкий). Такой состав и масштабы деятельности позволяют рассматривать Комиссию не только в качестве самодостаточного предмета изучения, но и как инструмент исследования истории исторической науки в целом [4].

Статус Комиссии ориентировал ее на реализацию имперской политики в сфере формирования исторического сознания. Не случайно инициатором ее создания стал киевский генерал-губернатор и будущий министр внутренних дел Д.Г. Бибииков, а сама Комиссия оказалась в системе МВД как государственное научное подразделение.

В списке изданий Комиссии 69 позиций, среди которых археографические серии: «Памятники» (4 тома, 1845–1859; 3 тома переиздания 1898); «Архив Юго-Западной России» (37 томов, 1859–1914); 6 томов местных, в основном казацких, летописей; 2 сборника статей и археографических материалов (1911, 1915); 2 тома по истории картографии Украины (1899, 1910); 3 выпуска археологического альбома 1846 г. и другие издания [5].

Комиссия предложила принципиально новый подход к организации публикаций источников, выходящий за рамки традиционной археографической мысли. Суть подготовленного Н.Д. Иванишевым в 1857 г. проекта состояла в том, что АЮЗР разделялся на восемь тематических частей, совокупность которых представляла стройную стратегию изучения социальной истории XVI–XVIII вв. Кроме того, в каждом томе предполагалась не только подборка документов, но и написанная на их основе монография. Так было положено начало профессиональной проблематизации и формированию цеха специалистов в области региональной истории. Комиссия заложила прочную археографическую и архивную основу изучения украинской истории в целом, становления национальной историографии, украинского национального самосознания [8]. И, как это ни парадоксально, важнейшую роль в этом сыграла центральная и местная имперская власть [3].

Важно отметить, что кадровый потенциал Комиссии формировался, прежде всего, из представителей малороссийской элиты, антипольские настроения которой составляли неотъемлемую часть ее исторической памяти и общественного сознания. Идея официальной народности, попав на благодатную интеллектуальную почву, способствовала плотному взаимодействию властей и местного общества, что обеспечивало исключительное место бывшей Гетманщине/Левобережной Украине/Малороссии в генерировании конкурирующих малороссийского и украинского национальных проектов. Это определялось тем решающим обстоятельством, что к середине XVIII в. только в этом этническом украинском регионе завершился процесс формирования домодерной нации с ее административно-сословным патриотизмом, социально-правовой корпоративностью, историческим сознанием, четко очерченной территориальностью, которые порождали широкий репертуар исторической продукции. Неотъемлемой частью представлений региональной элиты Левобережной Украины

становилось глубокое противостояние польскому миру и особость по отношению к миру российскому.

Наличие зрелой «нации» старого образца обеспечило ведущую роль малороссийского историописания в создании новых форм исторической идентичности, а значит и новых образов «своей» истории в головах тех, кто попадал в идейный плен Романтизма и начинал поиски нового этнического Отечества.

Такой крепкий союз имперской власти и местной элиты с целью конструирования «русскости» Правобережной Украины, который лег в основу создания Комиссии, порождает горячие споры в вопросе о ее «принадлежности» к национальным историографиям. В этой связи показательной представляется дискуссия вокруг маркировок Комиссии на конференции, посвященной ее 150-летию [9].

Ведущее место занимала мысль о принадлежности Комиссии пространству украинской исторической науки в противовес конструкциям российских специалистов, рассматривавших ее как местный вариант общероссийских археографических учреждений. Мотивы и логика других радикальных участников сводились к тому, что вряд ли можно считать украинской институцию, созданную имперской властью с русификаторской целью.

Более умеренные взгляды представляли эволюцию учреждения как «удивительный путь» от официально русификаторской, чуть ли не антинаучной, структуры до почтенного научного учреждения, которое «питало кадры будущего революционного возрождения нации» [9, с. 411].

Еще одним вариантом стало представление о «параллельности» влияния официальной имперской власти и идеологии, с которыми Киевской комиссии приходилось считаться, и украинских намерений ее сознательных членов: «В деятельности Комиссии очень четко прослеживается политическая заданность, которую диктовал царизм. Вместе с тем она стала центром возрождения украинской науки. В этом заключается парадокс» [9, с. 420].

Констатация сложности и бесперспективности маркировки в бинарных категориях привела к тому, что Н.Н. Яковенко предложила не относить учреждение ни к украинской, ни к российской историографии, а к достижениям «киевской исторической науки» [9, с. 409], не вписывающейся ни в какие контексты.

Несмотря на то, что дискуссия не предоставила окончательных ответов, ее несомненным результатом стал тот историографический тупик, попытки выхода из которого стимулировали поиски новой оптики в разработке проблем интеллектуальной истории и истории археографии. Набор необходимых инструментов вырабатывался при разработке регионального подхода, предполагающего исследование историографического как части культурного ландшафта, включенного в сложные, взаимопересекающиеся иерархии [6; 7]. Это дало возможность подойти к проблеме создания Комиссии как к первым шагам на путях освоения исторического и археографического пространства Правобережья представителями малорусской культуры.

В процессе такого освоения существенно расширились представления о горизонтах «малороссийского», опиравшегося не столько на административно-сословный, сколько на религиозно-этнический патриотизм. Это способствовало постепенному, – с 1830-х гг. и до начала XX в., – открытию малороссийскими интеллектуалами этнической общности с жителями Юго-Западного края, то есть формированию представлений об иной, значительно более широкой, этнической Малороссии, границы которой в первой половине XIX в. еще только предстояло отыскать.

Таким образом, включая в орбиты малороссийской истории новые территории, деятели Комиссии сделали важный шаг к образованию еще одного образа «своей» Родины, образа Новой, этнической, Малороссии.

С созданием Комиссии началась настоящая битва за трансформацию исторической памяти Правобережной Украины, которая к тому времени почти безраздельно и прочно вписывала этот регион в польское историческое пространство. Активное участие в этих идеологических баталиях посредством инструментализации исторического знания принимала и малороссийская интеллектуальная элита.

Освоение представителями малороссийской историографии исторических пространств Правобережья, формирование нового, этнического малороссийства, по моему мнению, сыграли решающую роль в становлении собственно украинского национального проекта. Такой механизм создавал условия для распространения малороссийских историографических

влиятельный, способствовал преодолению регионализма и формированию украинской национальной историографии на почве традиционного малороссийского козакофильского историописания. Встреча с польским украинофильством, наличие в тогдашних представлениях малороссийской элиты образа Слободской Украины, древней летописной казацкой Украины, – все это сыграло важную роль в выборе нового-старого имени для нарождающегося национального проекта, предоставило возможность безоговорочно отказаться от любых смысловых вариантов термина «Малороссия».

Исторический запрос имперской власти при создании Комиссии выстраивался на конструкциях современной имперской идеологии. Его реализация в условиях «историографической войны», развернувшейся за Правобережье, оказалась глубоко синхронизована с процессами модернизации исторического сознания, прежде всего, домодерной малороссийской нации.

Таким образом, национализация исторического сознания, основанная на поиске прошлой «русскости» Юго-Западного края, решающую роль в котором сыграла деятельность Комиссии, стала основой широкого консенсуса между имперской властью и малороссийской общественной мыслью, сформировав при этом целый ряд новых проектов исторической памяти, конкурентное взаимодействие которых определило на многие десятилетия интеллектуальный ландшафт как украинских этнических регионов, так и Российской империи в целом.

1. Ващенко, В.В. Лекції з історії української історичної науки другої половини XIX – початку XX ст. (М.І. Костомаров, В.Б. Антонович, М.С. Грушевський) / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет, 1998. – 140 с.
2. Верменич, Я.В. Початки національної історичної науки: Київські центри регіональних досліджень у 50 – 70-х рр. XIX ст. / Я.В. Верменич. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. – 44 с.
3. Журба, О.И. Имперский запрос и украинский ответ: Киевская археографическая комиссия как организатор региональной исторической науки / О.И. Журба // Російська імперія у XIX – на початку XX ст. Влада і суспільство: механізми взаємодії. – Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2014. – С. 538–556.
4. Журба, О.И. Историографические «шурфы» археографии / О.И. Журба // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: материалы XXIV Междунар. науч. конф. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2012. – С. 296–299.
5. Журба, О.И. Київська археографічна комісія. 1843–1921: Нарис історії і діяльності / О.И. Журба. – Київ: Наук. думка, 1993. – 183 с.
6. Журба, О.И. Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания / О.И. Журба // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. – С. 59–70.
7. Журба, О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) / О.И. Журба. // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – Вып. 8. – С. 124–165.
8. Калакура, Я.С. Українська історіографія: курс лекцій. – Київ: Генеза, 2012. – С. 190–191.
9. Матеріали дискусії // Матеріали ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії (1993 р.). – Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1997. – С. 408–422.

Судапцов Н.Д.
АКТЫ КAVКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КAVКАЗА

Несмотря на то, что после окончания Кавказской войны прошло более полутора веков, интерес к ней не только не ослабевает, а в последнее время нарастает. Это объясняется, прежде всего, тем, что многие проблемы, оставшиеся от того времени, требуют своего разрешения, особенно в условиях обострения межэтнических отношений на Кавказе.

После распада СССР доступ к документам по истории Кавказа в XIX в. осложнился, поскольку значительная их часть находится в архивах Грузии. В этих условиях важное значение приобретают «Акты Кавказской археографической комиссии», изданные в XIX в. В них содержится огромный объем информации по различным направлениям жизни Кавказского региона и политики российского правительства, что находит отражение в законодательных актах, нормативных документах.

После присоединения Кавказа в архиве Главного управления наместника кавказского накопилось такое множество дел, что их необходимо было разобрать и привести в порядок. В это время во главе гражданского управления Кавказа стоял А.П. Николаи, впоследствии министр народного просвещения России. Он возбудил вопрос об основании кавказской археографической комиссии, на которую следовало возложить разбор дел архивов и извлечение из них наиболее ценных документов, которые имели бы историческое значение для изучения прошлого Кавказа.

А.П. Николаи составил проект устава комиссии, который был одобрен наместником на Кавказе великим князем Михаилом Николаевичем. На докладе о комиссии он написал «вполне сочувствую